

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ ГАСТРОЛЕЙ

Из интересной поездки возвратился театр имени Ауэзова. Около месяца мы показывали наши лучшие спектакли в Казани на сцене Татарского государственного академического театра драмы имени Г. Камала. Гастроли прошли с большим успехом, нас радовал горячий интерес зрителей Татарии к театральному искусству казахского народа.

Однако скажу прямо: меня наши гастроли навали не на одни мажорные мысли. Когда раздумываешь над их итогами, очень выпукло, рельефно проявляются причины успеха нашего театра, но ярче видятся и недостатки в формировании репертуара, в распределении актерских сил, в режиссерской трактовке некоторых спектаклей.

Бесспорно, казахское театральное искусство отмечает высокая поэтичность, лучшим произведениям нашей национальной драматургии присущ богатый, сочный язык, полноцветное изображение своеобразных, неповто-

римых характеров. Но эти качества свойственны, в основном, произведениям на исторические темы или созданным на основе фольклора. И во время гастролей бывало обидно, когда на следующий день после спектакля по одной из этих ярких пьес приходилось показывать в спектакле о современности слабо и схематично выписанные образы, бледные тени наших сверстников — людей с богатым и щедрым духовным миром.

Средний уровень пьес на современную тему сейчас не может нас удовлетворить. Кругом идет кипучая, бурная, стремительная жизнь, и, естественно, нам необходимо предъявлять высокие требования к драматургии: мы ждем от нее высоких обобщений, раскрытия огромной глубины духовной жизни современника. Когда получаем такое произведение, — к сожалению, бывает это очень редко, — мы по-настоящему очень счастливы. Но стыдно и неловко, когда драматург приносит в театр пьесу

заведомо сырую и слабую и пытается всеми правдами и неправдами то что бы то ни стало «пробить» ее. Порой это ему удается. Затратив огромный труд, театр оказывается затем перед таким скорбным фактом, когда уже на третьем-четвертом спектакле зрительный зал бывает наполовину пуст. Поэтому в дальнейшем при формировании репертуара нам надо быть глубоко принципиальными, не делать никаких скидок и поблажек.

Главной, магистральной линией в репертуаре должны стать пьесы, поднимающие большие проблемы современности. Тогда мы действительно будем на уровне высоких поэтических обобщений и эмоционального накала лучших достижений современного советского театра.

Гастроли в Казани еще раз убедили нас в том, что развитие казахского театра преимущественно в романтическом плане наложило свой отпечаток на исполнительскую манеру,

привело к тому, что актерам порой трудно раскрывать глубоко психологические образы в реалистических пьесах о современности.

В свое время в романтическом ключе были поставлены лучшие спектакли нашего театра — «Козы Корпеш и Баян-Слуз», «Урошение строптивой», «Трагедия поэта» и другие — и это в те годы справедливо считалось столбовой дорогой развития казахского национального театрального искусства. Но меняются времена, и меняются люди. Сейчас зрители со злой иронией смеются над героями, которые на каждом шагу становятся на котурны, ни одного слова в простоте не скажут. Актеры, режиссеры, драматурги чаще всего сверяют свои работы не с жизнью, которая бурлит вокруг них, а с театральной и драматургической традицией, идущей еще чуть ли не от древней Греции. Не потому ли мы подчас попадаем в нелепое положение, когда наши современники на сцене по своему харак-

теру и поступкам оказываются двойниками батыров из народных легенд, отличаясь от них лишь современным покроем костюма?

Сейчас парад работниками казахского театра стоит огромная и трудная задача — преодолеть одно-сторонность романтической манеры и обогатить свое искусство углубленным психологическим реализмом. Правда, паралом уже наступает, его признаками являются такие спектакли театра имени Ауэзова, как «Сауле» и, особенно, «Материнское поле».

Очень талантливо написанная инсценировка замечательной повести Чингиза Айтматова раскрыла огромную человеческую судьбу, которая близка и понятна каждому, сидящему в зрительном зале. Коллективу театра удалось преодолеть инерцию традиции штампа. И самой большой наградой для нас, творческих работников театра, было то, что на обсуждении спектакля «Материнское поле»,

простые советские труженики с заводов и фабрик, из институтов и с колхозных полей рассказывали мужественно и просто о своих судьбах, иногда смахивая невольной набавляющей слезу. Они говорили о судьбе Толгонай и о своей, забыв о нас, создателях спектакля. И как мы были рады этой «забычивости»! Значит, жизнь, изображенная в спектакле, перешагнула рампу и вошла в сердца этих людей, взбудоражила их чувства и мысли, подняла их на новую поэтическую высоту.

Что может быть для советского художника выше раскрытия больших эмоций, сложных чувств, новаторского духа в природе советского человека! Если это достигнуто, тогда новыми и неповторимыми будут и форма спектакля, и его содержание.

Свои беглые и, может быть, очень субъективные замечания мне хочется закончить известными строками Маяковского, в которых, на мой взгляд, замечательно выражена новаторская,

действенная сущность советского театра:

Ставь прожектора,
чтоб рампа не померкла,
крути,
чтоб действие
мчалось, а не текло.

Театр
не отображающее зеркало,
а —
увеличивающее стекло.

Азербайджан МАМБЕТОВ,
заслуженный деятель искусства
Казахской ССР, главный режиссер
Казахского академического театра
драмы имени М. О. Ауэзова.

7 июля 1965 года.